

Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала

Антонио Кассезе*

Председатель Специального трибунала по Ливану

1. Введение

Резолюция 95 (I) Генеральной Ассамблеи была принята 11 декабря 1946 года по инициативе делегации Соединенных Штатов. Принятию этой резолюции предшествовало вынесение 1 октября 1946 года Международным военным трибуналом (МВТ) в Нюрнберге приговора, по которому 12 подсудимых-нацистов были приговорены к смертной казни, а 7 — к тюремному заключению на срок от десяти лет до пожизненного. Соглашение об учреждении МВТ было подписано 8 августа 1945 года в Лондоне. К этому соглашению прилагался Устав Международного военного трибунала («Устав МВТ»).

В резолюции 95 (I) Генеральная Ассамблея подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в приговоре Трибунала («Нюрнбергские принципы»). «Подтверждая» эти принципы, Генеральная Ассамблея (на тот момент она состояла из 55 государств-членов) явно стремилась выразить одобрение и поддержку общих понятий и юридических концепций уголовного права, которые можно было вывести из Устава МВТ и которые были либо прямо, либо косвенно изложены МВТ. Говоря на языке нормотворчества, эти одобрение и поддержка означали, что мировое сообщество энергично взялось за процесс превращения данных принципов в общие принципы обычного права, имеющие обязательную силу для государств, образующих международное сообщество в целом.

В той же резолюции Генеральная Ассамблея, кроме того, предложила Комитету по прогрессивному развитию международного права и его кодификации (он был учрежден резолюцией 94 (I)) «рассматривать в качестве вопроса первостепенной важности проекты, имеющие целью формулировку и внесение принципов, признанных [Уставом] Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в его [приговоре], в общую кодификацию преступлений против мира и безопасности человечества или международный уголовный кодекс».

За резолюцией 95 (I) последовала вторая резолюция — 177 (II), которая была принята Генеральной Ассамблеей 21 ноября 1947 года и в которой Ассамблея поручила недавно созданной Комиссии международного права («Комиссия»; она была учреждена резолюцией 174 (II)) сформулировать эти принципы и составить проект кодекса законов о преступлениях против мира и безопасности человечества («проект кодекса»).

* Автор выражает признательность младшему сотруднику по правовым вопросам Специального трибунала по Ливану г-же Ванессе Тальманн за ее помощь в подготовке настоящей справки.

2. Формулирование Нюрнбергских принципов

На первой сессии Комиссии международного права возник вопрос о том, следует ли Комиссии установить, в какой мере принципы, нашедшие выражение в Уставе и приговоре МВТ, являются принципами международного права. Было достигнуто заключение о том, что, поскольку Нюрнбергские принципы были подтверждены Генеральной Ассамблеей, задача, порученная Комиссии, заключается не в оценке этих принципов как принципов международного права, а только в формулировке их (доклад Комиссии международного права о работе ее второй сессии, 1950, т. II, п. 96). На той же сессии Комиссия образовала подкомитет, который представил ей рабочий документ, где были сформулированы эти принципы.

Затем Комиссия назначила г-на Иоанниса Спиропулоса специальным докладчиком, поручив ему отредактировать текст, принятый подкомитетом, и представить ей свой доклад. В докладе, представленном им Комиссии, специальный докладчик провел различие между: i) принципами в собственном смысле (к ним были отнесены ответственность соучастников, приоритет международного права над расходящимся с ним внутренним правом, отказ в иммунитете для лиц, действовавших в официальном качестве, запрещение ссылаться на приказ начальника и право на справедливый суд) и ii) преступлениями (преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности). Однако при принятии в 1950 году Нюрнбергских принципов Комиссия отказалась в итоге от такого различия (см. ниже).

По представлении ей текста, принятого Комиссией, Генеральная Ассамблея не стала официально утверждать Нюрнбергские принципы в их развернутом виде. Она просто пригласила правительства государств-членов представить свои замечания (резолюция 488 (V) Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1950 г.). Комиссии же было предложено учесть замечания правительств и их делегаций при составлении проекта кодекса. Дальнейшего развития Нюрнбергские принципы не получили. Сходная судьба постигла и проект кодекса, принятый Комиссией в 1954 году. В своей резолюции 897 (IX) от 4 декабря 1954 года Генеральная Ассамблея, констатировав, что проект кодекса вызывает вопросы, имеющие тесную связь с вопросом об определении понятия «агрессия», постановила отложить дальнейшее рассмотрение проекта кодекса, пока созданный незадолго до этого Специальный комитет по вопросу об определении агрессии не представит своего доклада. Генеральная Ассамблея не возвращалась к этой теме до 1978 года.

10 декабря 1981 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 36/106, в которой она предложила Комиссии возобновить свою работу над проектом кодекса. В 1996 году работа Комиссии увенчалась принятием ею «проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества» (*Ежегодник Комиссии международного права*, 1996, т. II, ч. 2-я).

3. Нюрнбергские принципы

«Принципы международного права, признанные [Уставом] Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в [приговоре] этого Трибунала», которые были приняты Комиссией в 1950 году, логично открываются принципом индивидуальной уголовной ответственности по

международному праву. Принцип I основывается по сути на приговоре МВТ, где говорится: «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права» (приговор МВТ, с. 609).

Принцип II гласит, что уголовная ответственность существует по международному праву даже в том случае, если по внутреннему праву не установлено наказания за действие, являющееся международным преступлением. Этот принцип считается сопутствующим принципу I. Идея, воплощенная в принципе II, уже была изложена в пункте «с» статьи 6 Нюрнбергского устава, посвященном преступлениям против человечности, которые определялись как определенные категории действий «независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет». В своем приговоре МВТ констатировал, что «самая сущность Устава заключается в том, что отдельные лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством» (приговор МВТ, с. 609).

Принцип III подтверждает отказ в иммунитете для лиц, действовавших «в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства». Этот принцип основывается на статье 7 Устава МВТ. Отказ от доктрины «акт государства» был подтвержден и МВТ: «Принцип международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные согласно международному праву. Исполнители этих действий не могут прикрываться своим должностным положением, чтобы избежать наказания в надлежащем порядке». Кроме того, МВТ указал далее: «Тот, кто нарушает законы ведения войны, не может остаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоряжениями государства, если государство, давая свою санкцию на подобные действия, выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву» (приговор МВТ, с. 609).

Принцип IV гласит: «То обстоятельство, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от ответственности по международному праву, если сознательный выбор был фактически для него возможен». Эта идея уже содержалась в статье 8 Устава МВТ. Однако эти две формулировки слегка различаются по своему содержанию. Во-первых, Комиссия добавила элемент морального («сознательного») выбора, выработанный в приговоре МВТ. Во-вторых, Комиссия не стала сохранять последнюю часть статьи 8 — согласно которой действие по приказу начальника «может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия» — и вообще сочла, что «вопрос о смягчении наказания должен разрешаться компетентным судом» (см.: доклад Комиссии международного права о работе ее второй сессии, пп. 104 и 106).

Право на справедливый суд сформулировано в принципе V. Это право уже было определено и проработано в главе IV Устава МВТ, носящей название «Процессуальные гарантии для подсудимых». По мнению Комиссии, выражение «справедливый суд» следует понимать в свете постановлений

Устава МВТ (доклад Комиссии международного права о работе ее второй сессии, п. 109).

Принцип VI кодифицирует три категории преступлений, установленные статьей 6 Устава МВТ: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Преступления против мира определяются в пункте «а» принципа VI следующим образом: «i) Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений; ii) участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из действий, упомянутых в пункте i». Ни Устав или приговор МВТ, ни Комиссия не дали определения понятию «агрессивная война». МВТ установил, что некоторые из подсудимых «планировали и вели агрессивные войны против 12 государств и поэтому являются виновными в совершении этих преступлений». В связи с этим МВТ счел излишним «детально обсуждать или даже сколько-нибудь подробно рассматривать, в какой степени эти агрессивные войны являлись также войнами “в нарушение международных договоров, соглашений и заверений”» (приговор МВТ, с. 603). Вслед за приговором МВТ Комиссия в своем комментарии подчеркнула, что ведение агрессивной войны может быть инкриминировано только «высшим военным чинам и высшим должностным лицам в государстве» (доклад Комиссии международного права о работе ее второй сессии, п. 117). Что касается военных преступлений, то пункт «b» принципа VI повторяет текст пункта «b» статьи 6 Устава МВТ, воспроизводя формулу, по которой военные преступления являются «нарушением законов и обычаев войны». В отношении же преступлений против человечности пункт «c» принципа VI тесно следует формулировке из Устава МВТ (ст. 6, п. «c»), объявляя наказуемыми только такие преступления против человечности, которые совершаются «при выполнении какого-либо преступления против мира или какого-либо военного преступления или в связи с таковыми». Однако в пункте «c» принципа VI формулировка несколько иная: в нем отсутствуют слова «до или во время войны». Комиссия сочла, что эти слова, которые имеются в статье 6, указывали на конкретную войну — войну 1939 года. Вместе с тем «исключение этих слов не означает, что, по мнению Комиссии, преступление против человечности могут совершаться только во время войны. Напротив, Комиссия полагает, что такие преступления могут иметь место также и до войны, в связи с преступлениями против мира» (доклад Комиссии международного права о работе ее второй сессии, п. 123). Интересно отметить, что от увязки преступлений против человечности с преступлениями против мира и военными преступлениями Комиссия позднее отказалась, когда принимала проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 года (*Ежегодник Комиссии международного права*, 1996, т. II, ч. 2-я, с. 60; см. также: Закон № 10 Контрольного совета от 20 декабря 1945 г.; пункт «b» статьи I Конвенции о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г., который такой увязки не требовал; ICTY, *Tadić*, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, Appeals Chamber, 2 October 1995, para. 141).

Наконец, принцип VII предусматривает: «Соучастие в совершении преступления против мира, военного преступления или преступления против человечности, о которых гласит принцип VI, есть международно-правовое

преступление». Удивительно, что в этом принципе фигурирует только соучастие, тогда как другие случаи возникновения ответственности, например планирование, подстрекательство или отдача приказа, прямо не упоминаются; не предусматривает этот принцип и ответственности за бездействие (так называемая «ответственность командира»). Из комментария Комиссии не ясно, в каких именно случаях предусматривалась в то время ответственность за «соучастие» (Robert Cryer, *Prosecuting International Crimes, Selectivity and the International Criminal Law Regime*, Cambridge University Press, 2005, p. 311). В статье 6 Устава МВТ говорилось, что «руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора [...] несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана». Пункт «а» статьи 6 дополнял эту формулировку — но лишь применительно к преступлениям против мира — указанием на то, что существует ответственность за «участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению» преступлений против мира.

4. Влияние на последующее развитие права

А. Уставы международных уголовных трибуналов

Нюрнбергские принципы, подтвержденные резолюцией 95 (I) Генеральной Ассамблеи, существенно повлияли на развитие международного уголовного права. Все эти принципы содержатся — в слегка ином и как бы более развернутом виде — в различных международно-правовых актах об учреждении международных уголовных трибуналов. Принцип индивидуальной уголовной ответственности на международном уровне (который на тот момент означал, среди прочего, конец доктрины, по которой правами и обязанностями, а значит, и правосубъектностью по международному праву обладали только государства) является сейчас принципом, прочно укоренившимся в международном уголовном праве. Поэтому он был естественным образом включен в уставы международных уголовных трибуналов (Устав Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), ст. 7, п. 1; Устав Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР), ст. 6; Статут Международного уголовного суда (МУС), ст. 25). Получило в них отражение и право на справедливое судебное разбирательство (Устав МТБЮ, ст. 21; Устав МУТР, ст. 20; Статут МУС, ст. 67).

Принцип неуместности ссылки на должностное положение изложен в пункте 2 статьи 7 Устава МТБЮ, пункте 2 статьи 6 Устава МУТР и статье 27 Статута МУС. Статья 27 Статута МУС распространяет это правило на все преступления, подсудные Суду. По сравнению с принципом III она полнее: в ней говорится о «должностном положении как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства».

Тот факт, что осуществление действий по приказу начальника не освобождает лицо от ответственности за уголовные деяния, отражен в пункте 4 статьи 7 Устава МТБЮ и пункте 4 статьи 6 Устава МУТР. Формулировка же в Статуте МУС слегка отличается от формулировки в принципе IV. Пункт 2 статьи 33 исключает возможность ссылки на приказ начальника с целью избежать ответственности за геноцид и преступления против человечности,

однако применительно к военным преступлениям эта статья предусматривает, что приказ начальника не освобождает лицо от уголовной ответственности за исключением случаев, когда: а) это лицо было юридически обязано исполнять приказы правительства или начальника, б) это лицо не знало, что приказ был незаконным, и с) приказ не был явно незаконным.

Принцип, касающийся соучастия, получил широкое развитие в Уставе МТБЮ. В пункте 1 его статьи 7 (равно как и в пункте 1 статьи 6 Устава МУТР) предусматривается, что «лицо, которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом содействовало или подстрекало к планированию, подготовке или совершению преступления [...] несет личную ответственность за это преступление». Кроме того, в пункте 3 статьи 7 Устава МТБЮ предусматривается личная уголовная ответственность начальников. В Статуте МУС все случаи возникновения ответственности оговариваются в пункте 3 статьи 25 — за исключением ответственности командиров, которая оговаривается в статье 28.

Что касается преступлений, то уставы МУТР, МТБЮ и МУС запрещают преступления против человечности (Устав МТБЮ, ст. 5; Устав МУТР, ст. 3; Статут МУС, ст. 7) и военные преступления (Устав МТБЮ, ст. 2; Устав МУТР, ст. 4; Статут МУС, ст. 8). Наибольшее развитие претерпело, пожалуй, понятие преступлений против человечности. Если в пункте «с» принципа VI преступлений против человечности определялись в увязке с военными преступлениями и преступлениями против мира, сейчас они составляют отдельную категорию преступлений. Преступления против мира называются сейчас преступлением агрессии. Однако, несмотря на нюрнбергский прецедент и на то, что элементы агрессии присутствовали в контексте как бывшей Югославии, так и Руанды, в устав ни МТБЮ, ни МУТР преступление агрессии не попало. Что касается МУС, то, поскольку на Римской конференции не удалось достичь консенсуса о том, включать ли ссылку на агрессивную войну в его Статут, был достигнут компромисс: сделать это преступление подсудным МУС, но не давать ему определения — оно должно быть выработано в будущем.

В. Судебная практика

Прямые ссылки на Нюрнбергские принципы и резолюцию 95 (I) Генеральной Ассамблеи встречаются в национальной судебной практике (см., например: *R. v. Finta*, Supreme Court of Canada (1994) 1 S.C.R. 701; Court of Bosnia and Herzegovina, *Prosecutor v. Ivica Vrdoljak*, 10 July 2008). Верховный суд Израиля в деле Эйхмана счел резолюцию 95 (I) Генеральной Ассамблеи доказательством того, что Нюрнбергские принципы составляют часть международного обычного права. По мнению Суда, «если и были сомнения по поводу того, что Нюрнбергские принципы расцениваются как принципы, являвшиеся частью международного обычного права «с незапамятных времен», такие сомнения устранены двумя международными документами. Мы имеем в виду резолюцию Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 11 декабря 1946 года, которая «подтверждает принципы международного права, признанные [Уставом] Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в [приговоре] этого Трибунала», а также резолюцию № 96 (I) Ассамблеи Организации Объединенных Наций за ту же дату, в которой

Ассамблея “утверждает, что геноцид, с точки зрения международного права, является преступлением”» (*Attorney General of Israel v. Eichmann*, Supreme Court of Israel (1962) 36 ILR 277).

Нюрнбергские принципы получили развитие и во французских делах Тувьё и Барби (см.: Leila Sadat Wexler, “The Interpretation of the Nuremberg Principles by the French Court of Cassation: From Touvier to Barbie and Back Again”, 32 *Colum. J. Transnat'l L.*, p. 289). Что касается определения преступлений против человечности, то французский Кассационный суд привнес обязательность того, чтобы такие преступления были совершены «от имени государства, практикующего гегемонистскую политическую идеологию». Он констатировал также, что преступления против человечности могут совершаться «не только против лиц в силу их принадлежности к расовой или религиозной группе, но и против не приемлющих эту политику лиц независимо от формы такого неприятия» (*Barbie*, French Court of Cassation, 20 December 1985).

Европейский суд по правам человека признал «универсальную действительность» Нюрнбергских принципов в деле «Кольк и Кислый против Эстонии». По мнению Суда, «хотя Нюрнбергский трибунал был учрежден для суда над главными военными преступниками европейских стран оси за преступления, совершенные ими до и во время Второй мировой войны [...] универсальная действительность принципов, касающихся преступлений против человечности, получила в дальнейшем подтверждение, в частности, в резолюции 95 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (11 декабря 1946 г.), а позднее со стороны Комиссии международного права» (*Kolk and Kislyiy v. Estonia*, Decision on Admissibility, 17 January 2006).

Обычно-правовой статус Нюрнбергского устава был прямо констатирован Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций (доклад Генерального секретаря, представленный во исполнение пункта 2 резолюции 808 (1993) Совета Безопасности, документ ООН S/25704, 3 мая 1993 г., п. 35) и подтвержден МТБЮ (*Tadić*, Opinion and Judgment, Trial Chamber, 7 May 1997, para. 623; *Tadić*, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, Appeals Chamber, 2 October 1995, para. 141). Судебная камера по делу Тадича установила, что и понятие прямой индивидуальной уголовной ответственности, и понятие персональной виновности в случае пособничества уголовному деянию или покушению на такое деяние, подстрекательство к ним либо участие в них имеют основание в международном обычном праве (*Tadić*, Opinion and Judgment, Trial Chamber, 7 May 1997, para. 666).

Немаловажную роль с точки зрения расширения и уточнения Нюрнбергских принципов специальные трибуналы сыграли и в том, например, что касается разграничения случаев возникновения ответственности — исполнение, планирование, отдача приказа, подстрекательство и пособничество (ИСТУ, *Tadić*, Judgment, Appeals Chamber, 15 July 1999, para. 184 et seq.) — и признания того, что участие в общем покушении на уголовное деяние является формой совершения преступления по международному обычному праву (см.: *ibid.*, paras. 185 et seq.; *Krnjelac*, Judgment, Appeals Chamber, 17 September 2003, para. 31).

5. Резюме и заключение

Звучали высказывания о том, что, подтвердив Нюрнбергские принципы в резолюции 95 (I), Генеральная Ассамблея как бы объявила принципы, изложенные в Уставе и приговоре МВТ, принципами международного обычного права, которые просто получили признание в качестве таковых в приговоре МВТ (Н.-Н. Jescheck, *The Development of International Criminal Law after Nuremberg*, in Guénaël Mettraux (ed.), *Perspectives on the Nuremberg Trial*, p. 411). Однако нужно отметить, что Нюрнбергские принципы, выработанные Комиссией, так и не были официально приняты — или отвергнуты — Генеральной Ассамблеей. Кроме того, некоторые из Нюрнбергских принципов были, видимо, новеллами. Поэтому высказывание о том, что на момент их принятия Комиссией они представляли собой часть международного обычного права, является спорным. Видимо, более целесообразным было бы считать, что резолюция 95 (I) Генеральной Ассамблеи решительно способствовала приданию Нюрнбергским принципам обычно-правового статуса, которым они пользуются сегодня.

За время, истекшее с 1946 года, Нюрнбергские принципы действительно получили подтверждение и развитие в уставах международных уголовных трибуналов и в международной и национальной судебной практике. Сегодня они широко признаются в качестве относящихся к международному обычному праву. Право на справедливое разбирательство дела (принцип V) зафиксировано во всех международно-правовых актах об учреждении международных уголовных трибуналов (см.: Устав МТБЮ, ст. 21; Устав МУТР, ст. 20; Статут МУС, ст. 67), а также во многих договорах по правам человека (см.: Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 14, п. 1, и ст. 26; Американская конвенция о правах человека, ст. 8; Европейская конвенция о правах человека, ст. 6) и в национальной и международной судебной практике. Таким образом, оно, бесспорно, принадлежит к категории международного обычного права. Учитывая широкое признание всеми государствами и международными судами и трибуналами как его принципиальной важности, так и недопустимости того, чтобы государства и национальные и международные суды шли на его умаление или обход, можно даже утверждать, что оно приобрело также статус нормы *jus cogens*.

Другие же принципы, будучи просто частью международного обычного права, допускают изъятия, производимые на основании договора. Как уже упоминалось выше, так обстоит дело, например, со ссылкой на приказы начальника, оговариваемой в пункте 2 статьи 33 Статута МУС.

Кроме того, эти принципы с годами получали более развернутое описание. Например, по сравнению с довольно «архаичными» нюрнбергскими правилами, касавшимися участия в уголовном деянии (Gerhard Werle, *Individual Criminal Responsibility in Article 25 ICC Statute*, *Journal of International Criminal Justice*, vol. 5, 2007, p. 953), значительное развитие получили принципы, регулирующие различные случаи возникновения международной уголовной ответственности. Со времен Нюрнберга эволюцию претерпели и определения преступлений. Например, преступления против человечности сейчас однозначно включают такой элемент, как «широкомасштабное или систематическое нападение на любых гражданских лиц» (Статут МУС, ст. 7). Статут МУС включает также четыре новые

категории актов, влекущих за собой наказание в качестве преступлений против человечности: пытки (ст. 7, п. 1 (f)), сексуальные преступления (ст. 7, п. 1 (g)), насильственное исчезновение людей (ст. 7, п. 1 (i)) и преступление апартеида (ст. 7, п. 1(j)). Наконец, в 1948 году Генеральная Ассамблея приняла Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, в которой подтверждается, что геноцид является преступлением по международному праву. Наказуемость геноцида была предусмотрена также в уставах МТБЮ, МУТР и МУС (Устав МТБЮ, ст. 4; Устав МУТР, ст. 2; Статут МУС, ст. 6). Учитывая принятие столь многих договорных либо окологодоворных положений о запрещении геноцида и наказании за него и судебную практику по данному вопросу, вполне можно считать, что геноцид — это преступление, запрещаемое международным обычным правом.

Материалы по теме

А. Правовые акты и документы

Лондонский устав Международного военного трибунала, 8 августа 1945 года.

Резолюция 177 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 года (формулирование принципов, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в его приговоре).

Комиссия международного права, доклад о формулировке Нюрнбергских принципов, подготовленный специальным докладчиком г-ном И. Спиропулосом (A/CN.4/22, 12 апреля 1950 года; на англ. языке воспроизводится в публикации: *Yearbook of the International Law Commission*, 1950, vol. II).

Доклад Комиссии международного права Генеральной Ассамблее о работе ее второй сессии с 5 июня по 29 июля 1950 года, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятая сессия, Дополнение № 12* (A/1316, на англ. языке воспроизводится в публикации: *Yearbook of the International Law Commission*, 1950, vol. II).

Резолюция 488 (V) Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1950 года (формулировка Нюрнбергских принципов).

В. Судебная практика

Международный военный трибунал в Нюрнберге, приговор, 1 октября 1946 года (Нюрнбергский процесс: сборник материалов в 8 тт. Москва, Юридическая литература, 1987–99, т. 8, сс. 561–721).

Supreme Court of Israel, *Attorney General of Israel v. Eichmann*, 1962, 36 ILR 277.

International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, (*Prosecutor v. Dusko Tadić*, IT-94-1-AR-72), Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, Appeals Chamber, 2 October 1995, para. 141.

International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, (*Prosecutor v. Dusko Tadić*, IT-94-1-T), Opinion and Judgment, Trial Chamber, 7 May 1997, para. 623.

International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, (*Prosecutor v. Dusko Tadić*, IT-94-1-A), Judgment, Appeals Chamber, 15 July 1999, para. 185 *et seq.*

International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, (*Prosecutor v. Milorad Krnojelac*, IT-97-25-A), Judgment, Appeals Chamber, 17 September 2003, para. 31.

C. Теоретические работы

Henry L. Stimson, “The Nuremberg Trial: Landmark in Law”, *International Affairs*, vol. 25, 1947, pp. 179–189.

Telford Taylor, *Nuremberg and Vietnam – An American Tragedy*, Chicago, Quadrangle Books, 1970, pp. 95–97, 113–120.

Stéfan Glaser, “La Charte du Tribunal de Nuremberg et les nouveaux principes du droit international”, *Revue pénale suisse*, vol. 63, 1948, pp. 13–38 (перевод на англ. язык см. в публикации: Guénaël Mettraux (ed.), *Perspectives on the Nuremberg Trial*, Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 55–71).

Henri Donnedieu de Vabres, “Le procès de Nuremberg devant les principes modernes du droit pénal international”, *70 Recueil des Cours*, vol. I, 1947, pp. 477–582 (перевод на англ. язык см. в публикации: Guénaël Mettraux (ed.), *Perspectives on the Nuremberg Trial*, Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 213–273).

Telford Taylor, *The Anatomy of the Nuremberg Trials*, London, Bloomsbury, 1993, pp. 629–641.

Hans-Heinrich Jeschek, “The General Principles of International Criminal Law Set Out in Nuremberg, as Mirrored in the ICC Statute”, *Journal of International Criminal Justice*, vol. 2, 2004, pp. 38–55.